

Симфония жёнотод

Маркелова Софья

18+

Софья Сергеевна Маркелова

Симфония шёпотов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69375544

SelfPub; 2023

Аннотация

У Иннокентия Петровича в жизни не осталось ничего, кроме верного пса по кличке Брамс и обширной коллекции грампластинок. Спасаясь от одиночества в объятиях музыки, Иннокентий занимается лишь тем, что пополняет свою коллекцию изо дня в день. Но однажды он выкупает странную виниловую пластинку, на которой нет никаких записей, кроме шорохов и шепотов. И с того момента жизнью Иннокентия овладевают голоса, исполняющие свою особенную симфонию. Обложка для рассказа создана нейросетью.

Софья Маркелова

Симфония шёпотов

Иннокентий Петрович Лисицын считал себя человеком мыслящим и в какой-то степени осторожным. Жить он старался по неким своим внутренним критериям, сформировавшимся благодаря консервативному воспитанию отца и деда еще в детстве. А вот опасливое отношение к реальности и окружающим его людям уже выработал самостоятельно в более позднем возрасте, исходя исключительно из личного опыта. И именно из-за этого Иннокентий, хоть и довольно рано сумел обеспечить себя должным образованием и заработком, но вот о сближении с иными людьми, а в особенности с женщинами, речи и не шло. Разменяв уже пятый десяток, Иннокентий не сильно сожалел о собственном одиночестве, решительно отдав всю свою внутреннюю страсть коллекционированию.

Богатое собрание грампластинок занимало в доме Лисицына отдельную комнату, где помимо четырех поистине монументальных стенных шкафов располагались лишь проигрыватели нескольких видов и старое продавленное кресло. Каждый вечер перед сном Иннокентий любил удаляться в эту комнату, садиться в свое любимое скрипящее кресло с чашкой крепкого черного чая и наслаждаться каким-нибудь экземпляром своей коллекции.

В каждом из шкафов у педантичного хозяина царил порядок и чистота. Расставленные по эпохам, странам изготовления и музыкальным жанрам пластинки представляли собой не только современные образцы винилового ренессанса, но в коллекции также встречались уникальные диски конца XIX века из шеллака и даже столь популярные в свое время джазовые композиции, записанные на рентгеновских снимках.

Много лет назад Иннокентий со свойственной ему аккуратностью запустил свои руки в карманы всем городским коллекционерам и перекупщикам. Выменивая и доставая определенные экземпляры записей, он собирал даже плохо сохранившиеся пластинки, в краткие сроки став владельцем внушительной коллекции. И поэтому уважаемый ценитель Лисицын довольно быстро приобрел в узких кругах свою славу опытного филофониста. Ему часто стали звонить неравнодушные дельцы, доставая информацию об очередных коллекционерах или любителях, пожелавших продать свои собрания редких пластинок. И Иннокентий всегда пользовался случаем.

Так произошло и в этот раз.

Один из перекупщиков позвонил Лисицыну поздно вечером и сообщил, что недавно скончался немолодой и весьма склочный коллекционер Федосов, который последние несколько десятков лет только и занимался тем, что структурировал и прослушивал свое обширное собрание, мало с кем общаясь. Теперь же по завещанию вся коллекция доста-

лась единственному сыну Федосова, который увлечение отца никогда не разделял и намерен во что бы то ни стало распродать все пластинки.

Для Иннокентия это было значимым событием. И на следующий же день он уже звонил в двери к сыну Федосова, с предвкушением ожидая пополнения своей коллекции.

Дверь открыл осунувшийся небритый мужчина, которому на вид трудно было дать меньше сорока лет. Укутанный в коричневый свитер крупной вязки он имел привычку прятать пальцы в рукавах и постоянно нервно прищуривал левый глаз.

– Это вы, должно быть, тот самый Лисицын, что звонили вчера? – хриплым голосом поинтересовался сын покойного.

– Все верно. Иннокентий Петрович. Рад познакомиться лично, – Лисицын протянул ладонь для рукопожатия.

– Василий. Василий Федосов, – холодные длинные пальцы крепко сжали руку гостя. – Проходите. Я как раз заканчивал изучать альбомы отца. Представляете, он систематизировал всю коллекцию. Закончил буквально за пару дней до смерти. Указал даже место покупки каждой пластинки!

Иннокентий одобрительно хмыкнул и переступил порог.

– Вы не разувайтесь. Тут грязно. Проходите в гостиную, а я пока поставлю чай. Вы будете?

– Не откажусь. Благодарю.

Повесив плащ и шарф на вешалку, Лисицын прошелся ладонью по голове, приглаживая свои волнистые седые волосы,

и после двинулся прямо по коридору, который оканчивался распахнутыми дверьми, отсекавшими просторную гостиную от остальной квартиры. В воздухе витал запах пыли и почему-то расплавленного винила – такая легкая едва уловимая вонь.

Комната до потолка оказалась уставлена узкими деревянными шкафами, расстояние между которыми редко достигало больше полуметра. На полках плотными вереницами дисков стояла виниловая коллекция покойного Федосова старшего. В помещении царил мрак: окна были плотно зашторены тяжелыми портьерами. Единственным местом, где мог приютиться человек, оказался стоящий в углу диван, у которого не было ни одной уцелевшей ножки, и он просто лежал на полу, почти полностью погребенный под клочками смятой пожелтевшей бумаги.

– Вы извините за бардак. Отец тут не убирался, и я смысла сейчас уже не вижу, – Василий тихо появился за спиной Иннокентия, который с предвкушением оглядывал полки с пластинками. – Чайник я поставил. А вы садитесь на диван, подвиньте там все. Я сейчас принесу каталог отца.

Пока Лисицын сбрасывал с дивана на пол груды исписанной кривыми буквами бумаги, Василий вернулся с пачкой из пяти толстых альбомов с истертыми корешками.

– Вот. Смотрите, что вам нужно в каталоге и ищите по записям, что где лежит. Расположение на полках понять тут не трудно, все шкафы пронумерованы.

– Вы не будете присутствовать? – принимая альбомы из рук, поинтересовался Иннокентий.

– Нет, уж извините. Я разбираю вещи в спальне отца. Там куча хлама. Сделаю вам чай и опять туда. Но если понадобится, то зовите, конечно.

Василий прищурил левый глаз, легко кивнул собеседнику и удалился на кухню. Через несколько минут он вернулся с кружкой горячего черного чая, передал ее Лисицыну и почти сразу же вновь покинул гостиную.

Иннокентий остался наедине с толстыми альбомами, впечатляющей коллекцией Федосова и дешевым отвратительным на вкус чаем.

Скорее отставив кружку как можно дальше, Иннокентий Петрович принялся изучать каталог. Структурированные записи, сделанные ровным аккуратным почерком, невольно вызвали у Лисицына вздох восхищения. Но тем страннее был тот факт, что сброшенные с дивана мятые листы и клочки бумаги были исписаны корявым и неразборчивым почерком, словно эти заметки делал другой человек. Хотя Федосов старший жил в этой квартире совершенно один.

Ради интереса Иннокентий подцепил пальцами ближайший к нему скомканный тетрадный лист и расправил его. Текст плохо поддавался прочтению, но несколько слов можно было разобрать.

«Пламя». «Обреченность».

Нахмурившись, Лисицын несколько мгновений изучал

неровные угловатые буквы. Похоже, у старика Федосова или на старости лет помутился рассудок, или же его терзали какие-то кошмары. Почему-то эта мысль не давала Иннокентию покоя, и он, прочистив горло, окликнул Василия:

– Прощу прощения, а как скончался ваш отец?

Из соседней комнаты послышался шорох, стук и, наконец, сын Федосова ответил:

– Подробностей я не знаю. Просто отец перестал отвечать на мои звонки в какой-то момент. Несколько дней я думал, что он просто злится на меня из-за какой-нибудь очередной глупости. Знаете, он частенько так делал, – Василий тяжело вздохнул, и это было слышно даже в гостиной. – Но он все не звонил и трубку не брал. Тогда я не выдержал, приехал, открыл дверь своим ключом. А он лежит на кровати, уже весь покрытый пятнами этими трупными... И ни записки, ничего... Видимо во сне скончался.

– А что же сказали медики и полиция?

– Да ничего толком и не сказали. Вроде как естественная смерть, все же немолодой он уже был. В найденном завещании было указано, чтобы тело его не резали и не вскрывали. Так что я даже и не узнал, из-за какой болезни он так скоропостижно умер.

Иннокентий еще раз взглянул на скомканный лист бумаги, который он сжимал в пальцах. Слово «обреченность» почему-то отозвалось дрожью где-то внутри его тела. Будто тот, кто писал его, вложил в каждую неровную букву свою боль

и отчаяние.

Василий незаметно и практически бесшумно оказался на пороге гостиной:

– Но вот одно, я вам скажу, точно было странно. Еще когда я нашел его тело, то сразу же обратил внимание: под ним вся подушка была в крови. Уже запеклось все, как плотная корка, почернело, но по следам было видно, что перед смертью вся эта кровь вышла у него из ушей.

Время до вечера пролетело практически незаметно. Василий безмолвно разбирал личные вещи покойного в спальне, а Иннокентий выписывал из каталога Федосова старшего все заинтересовавшие его пластинки. А таковых оказалось немало. Еще почти час ушел на то, чтобы отыскать выбранные экземпляры, протискиваясь между шкафами, расположенными слишком близко друг к другу.

Когда на промятом диване лежало уже несколько десятков присмотренных пластинок, Лисицын, наконец, удовлетворенно закрыл альбомы и просто ходил по комнате, внимательно вглядываясь в полки. Он надеялся отыскать что-нибудь особенное, что он просмотрел в каталоге или пропустил, сочтя неинтересным.

Ровные ряды пластинок томились в ожидании, но взгляд Иннокентия скользил мимо них, ни на чем конкретном не концентрируясь. Внутренне Лисицын был крайне доволен проведенным днем: в собрании Федосова старшего оказа-

лось несколько экземпляров, которые он давно уже присматривал для пополнения собственной коллекции. Но все равно угрюмая гостиная, будто бы скрытая от всего остального мира каким-то незримым пологом забвения, начинала понемногу давить на Иннокентия Петровича. Он постоянно чувствовал себя лишним в этой комнате, да и во всей квартире в целом, а этот удушающий запах расплавленного винила, неясно откуда витавший в коридоре, и вовсе действовал Лисицыну на нервы.

Недалеко от плотно зашторенного окна стояла старая деревянная этажерка, на которой располагался единственный в комнате проигрыватель. Иннокентий подошел ближе, чтобы оценить состояние аппарата, но с удивлением обнаружил, что на диске лежала пластинка. Для аккуратного и бережливого Лисицына такое хранение экземпляров коллекции было неприемлемым: оставлять в проигрывателе пластинку, чтобы ее канавки забивались пылью, казалось верхом неразумности для любого филофониста.

Сняв с центральной оси винил, Иннокентий огляделся в поисках защитного конверта, но ничего подобного рядом не было. В этот момент в комнату бесшумно вошел Василий и прислонился плечом к косяку:

– Извините, Иннокентий Петрович, но уже достаточно поздно. Мне пора ехать домой, жена ждет. Если вы не закончили, то давайте договоримся, в каком часу вы завтра придете.

Лисицын, все еще хмуро оглядывавший этажерку и подоконник, поспешил заверить собеседника:

– Я уже закончил. На диване сложил все заинтересовавшие меня экземпляры... Одну минуту! Я тут увидел эту пластинку, собирающую пыль, хотел вернуть ее на полку, да только не могу найти ни внутреннего, ни внешнего конверта.

Василий подошел ближе и взгляделся в черный виниловый диск в руках у Иннокентия.

– На ней нет этикетки. И даже никаких обозначений.

– Да, я тоже это заметил.

– Вы взяли ее из проигрывателя?

– Верно.

Сын покойного прищурил левый глаз и внимательно посмотрел на своего собеседника.

– Эта пластинка лежала в проигрывателе в день смерти отца. Обычно он всегда убирал весь винил в конверты, расставлял по порядку на полках, не позволяя дискам пылиться или попадать под солнечные лучи. Но когда я нашел его тело, то здесь, в гостиной, в проигрывателе лежала именно эта пластинка. Без этикетки, без конверта, без всего. Видимо, это было последнее, что отец слушал перед смертью...

Лисицын не нашелся, что ответить на подобное заявление. Он уже без прежней уверенности покрутил в руках виниловый диск. Интересно, что же стало последней мелодией в жизни небезызвестного коллекционера-отшельника Федосова? Что могло нравиться этому склочному замкнутому че-

ловеку?

Пока Иннокентий поглаживал пальцами бороздки на пластинке, на долю секунды ему показалось, что откуда-то из-за спины он расслышал чей-то протяжный шепот.

– *Возьми...* – и после раздался тихий женский смех, напоминающий звон хрустальных колокольчиков.

Испуганно обернувшись, Лисицын с подозрением посмотрел на шкафы. Для Василия это движение не осталось незамеченным.

– Что-то не так? – сын покойного спрятал пальцы в рукава своего растянутого свитера.

– Да нет... Просто показалось, – Иннокентий озадаченно взглядывался в темные углы комнаты, но ничего странного там не было. Наверное, он просто сильно утомился за весь день.

– Давайте я найду для вас пустой конверт, если хотите взять эту пластинку.

Не дожидаясь ответа, Василий ушел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с полупрозрачным внутренним конвертом, в который ловко засунул пластинку.

Иннокентий Петрович послушно забрал упакованный винил и засунул под мышку. По его затылку все еще бегали мурашки, рожденные странным шепотом, который на грани сознания Лисицын расслышал в комнате, но ничего подобного больше не повторялось.

Рассчитавшись с младшим Федосовым за выбранные эк-

земляры коллекции покойного, Иннокентий, наконец, с чистой совестью отправился к себе домой. Через плечо у него был перекинут ремень старинного тяжелого футляра, в котором плотно друг к другу были уложены новые пластинки. И Лисицын, не скрывая своего внутреннего ликования, всюду улыбался, шагая по улицам, укрытым вечерней мглой.

Ближе к полуночи, когда Иннокентий уже чувствовал, как на него волнами накатывает усталость, он по привычке заварил черный чай и направился в комнату, вокруг которой крутилась вся его жизнь. Через закрытые жалюзи не пробивался ни лунный свет, ни свет фонарей, и только минималистичный торшер на высокой ножке бросал желтое тусклое пятно на пол, разгоняя тьму. С удовольствием тяжело осев в излюбленное продавленное кресло, стоявшее посередине комнаты, Лисицын на мгновение закрыл глаза, позволяя телу расслабиться. Но почти сразу же ему на колени запрыгнуло что-то увесистое и теплое.

Французский бульдог по кличке Брамс удобнее устроился на своем хозяине и преданно заглянул ему в глаза, чуть повернув голову на бок. Его черные округлые уши легко дрогнули.

– Ну что, мой хороший? – Иннокентий мягко улыбнулся, рукой поглаживая собаку по спине. – Сегодня у нас богатое пополнение коллекции. Только взгляни: «La Corde Raide» 77-го года и прекрасно сохранившаяся пластинка 81-го года

– «Ma Vie Est Une Chanson» Мирей Матьё. А я даже и не подозревал, что она может быть у кого-нибудь в нашем городе.

Брамс внимательно слушал тихий голос хозяина, будто понимал, о чем тот говорил.

– Хотя для начала, прежде чем приступать к десерту, давай-ка вот что послушаем.

Иннокентий взял с журнального столика, стоявшего неподалеку от кресла, отложенную в сторону пластинку без этикеток, упакованную лишь в один внутренний конверт.

– Что же такое мог слушать этот Федосов? – покрутив в руках винил, Лисицын перевел взгляд на Брамса, который высунул розовый язык и продолжал послушно сидеть на коленях хозяина. – Я помню, лет пять назад удалось мне пересечься с ним на одной барахолке. Тогда все продавцы только и говорили, что сам господин Федосов изволил почтить своим присутствием торговые ряды и ищет необыкновенные пластинки. И я еще подумал, какой он, наверное, особенный должен быть человек, раз о нем говорят с придыханием, а его выбор винила обсуждают на всех углах. Любопытно было бы узнать о его собственных музыкальных вкусах.

Брамс беспокойно завозился, царапая подпиленными когтями домашние штаны Иннокентия.

– И зачем я только тогда к нему подошел, Брамс? До сих пор вспоминаю, и самому стыдно становится... Он стоял у какого-то прилавка, лысеющий, в клетчатом пиджаке, в протертых на коленках брюках, но зато в лакированных ухожен-

ных туфлях. Такой одновременно нелепый и статный образ. Я подошел, представился, начал какую-то невразумительную вежливую беседу, а он просто развернулся и ушел. В первое мгновение мне показалось, что он мог меня не расслышать, но нет. Едва я подошел вновь, как он злобно сверкнул своими черными глазами и шикнул на меня, как на какую-то дворняжку: «Пошел отсюда, побирушка». И в тот момент я понял, что нам с ним не по пути. Он – человек бескультурный, с гнильцой...

Чуть покряхтев, по-старчески поведив плечами, Иннокентий протянул руку к проигрывателю на журнальном столике и положил безымянную пластинку на диск. Сняв заглушку с звукоснимателя, он щелкнул тумблером, опуская иглу на винил.

– Однако люди благоговели перед ним вовсе не из-за тяжелого характера, а из-за его отношения к музыке и собственной коллекции, Брамс. Понимаешь? И для меня безмерно важно знать, что же любил этот склочный старик...

Послышалось шуршание иглы, мягко скользившей по канавкам. Лисицын, положив ладонь на загривок пса, закрыл глаза и растекся по креслу, приготовившись впитывать музыку всеми фибрами души.

А игла все бесцельно царапала пластинку, не высекая ни единого звука. Прошла минута, а затем другая, но Иннокентий, как он ни вслушивался, не мог различить ничего, кроме шорохов.

– Весьма странно.

Лисицын решительно остановил воспроизведение, перевнул пластинку и вновь установил иглу.

На этой стороне шуршание словно бы стало громче и объемнее. Оно наполнило собой комнату, пропитало все стены, за клубилось в углах, словно туман, и проникло в шкафы, вливаясь терпким ядом в каждую пластинку коллекции. Но Иннокентий этого не заметил – он лишь напряженно прислушивался к винилу, нахмутив кустистые брови, пытаясь разобрать хоть что-нибудь, вычленив из шепота иглы мелодию или любые иные звуки.

И вскоре он услышал то, что желал услышать.

– *«Магнолия тропической лазури...»* – будто практически над самым ухом у Лисицына тихо пропел глуховатый мужской голос.

Иннокентий вздрогнул, распахнул глаза и огляделся. Пластинка медленно кружила в проигрывателе, и с ее стороны вновь не доносилось ни звука, кроме неясного шуршания. На мгновение Лисицын даже усомнился, что он действительно слышал эту строку из песни. Но тот мужской голос звучал так явно, словно певец находился прямо за плечом у Иннокентия.

Больше никаких записей на виниле не оказалось. Игла дошла до центра пластинки и замерла, автоматически поднимаясь вверх. Брамс вел себя беспокойно: весь напряженный, как струна, он замер на коленях хозяина, лишь без остано-

ки бегая глазами по комнате, будто в поисках чего-то или кого-то. Иннокентий не сразу обратил внимание на поведение питомца, но не придал этому особенного значения:

– Что с тобой? Не нравится шуршание пустой пластинки?.. Я что-то сегодня устал. Пойдем спать.

Лисицын осторожно поднялся из кресла, пересаживая в него пса, и, убрав странную пластинку в конверт, в молчании выключил проигрыватель. Чай так и остался стоять нетронутым в этот вечер. Едва только Иннокентий направился в спальню, как Брамс мгновенно соскочил на пол и побежал следом, шумно стуча когтями по паркету.

Приняв душ и забравшись в постель, Лисицын привычно положил одну из подушек себе под бок – Брамс мгновенно на нее забрался, прижимаясь теплой спиной к хозяину. Иннокентий Петрович прикрыл глаза, прислушиваясь в мерному чуть хриловатому дыханию питомца и задумался над тем, что же такое ценное было записано на той пластинке, раз Федосов ее держал в коллекции.

Ничего, кроме единственной внятной строки «Танго “Магнолия”» Вергинского, расслышать не удалось, но это вовсе не значило, что на виниле изначально не было музыки. Вполне могло случиться так, что все канавки на диске настолько истерлись от дурного обращения или же времени, что невозможно было извлечь оттуда ни единого звука, кроме пресловутой строки «...магнолия тропической лазури...».

Видимо, пластинка была так дорога покойному Федосову, что он продолжал ее слушать даже в подобном печальном состоянии записи. Ничего удивительно, конечно, Иннокентий в этом не видел, лишь несколько разочаровался, так как ожидал чего-то более необычного от старого скрытного коллекционера, а вовсе не преданной любви к почти пустому винилу с Вертинским.

Еще некоторое время полежав с закрытыми глазами, медленно поглаживая Брамса, Лисицын провалился в сон. Но вместо спокойного отдыха пришли тревожные и быстро сменяющиеся сновидения, которые обыкновенно Иннокентию не снились. Несколько часов он ворочался с одной стороны на другую, то распахивая одеяло, то вновь закутываясь в него, но цепкие когти беспокойства мешали полноценно заснуть, удерживая Лисицына где-то на грани сна и бодрствования, изматывая его.

В середине ночи Иннокентий сумел вырваться из очередного калейдоскопа неясных сюжетов и, сходя в туалет, вновь упал на кровать, переворачивая нагретую и влажную подушку сухой стороной кверху. Водя заспанными глазами по потолку, он пытался рукой нащупать Брамса, но пальцы неожиданно ухватили лишь пустоту.

– Брамс? – Лисицын сел, торопливо отбросив одеяло.

Пса нигде не было, хотя примятая подушка, на которой любил дремать питомец, лежала на месте.

– Брамс! Ко мне, мальчик! – чуть громче позвал Инно-

кентий Петрович, и в тот же момент он услышал, как из соседней комнаты донесся приглушенный собачий лай.

Мгновенно сунув ноги в тапки, Лисицын поспешил в коридор. Лай стал глуше, но бульдог все продолжал однообразно и явно с напряженной интонацией призывать хозяина. Включив свет в коридоре, Иннокентий толкнул приоткрытую дверь в комнату с коллекцией пластинок.

Брамс сидел в кресле и грозно облаивал закрытый проигрыватель, на крышке которого лежал конверт с пустой пластинкой Федосова.

– Брамс! Мальчик, что ты делаешь? – Лисицын с подозрением посмотрел на пса, который раньше не был замечен ни за чем подобным. – Тихо! Фу! Перестань лаять.

Хозяина бульдог послушался с явной неохотой. Он еще несколько мгновений стоял в кресле, напряженный и испуганный одновременно, последний раз резко и отрывисто гавкнул и лишь после этого спрыгнул на пол, приблизившись к удивленному хозяину.

– Что это на тебя нашло? Это же проигрыватель и пластинки. Тут больше ничего нет.

Иннокентий подхватил на руки черного пса, успокаивающе поглаживая его по голове. Но животное явно не чувствовало себя в безопасности: шерсть на загривке топорщилась, а клыки были оскалены. Для очистки собственной совести, Лисицын прошелся по всей комнате, включил торшер и внимательно проверил закрыты ли окна. В помещении ничего

не изменилось с тех пор, как несколько часов назад хозяин и пес ушли спать, но отчего же Брамс был так взволнован?

– Пойдем, мальчик. Здесь ничего нет. Видимо, тебе, как и мне, просто приснился какой-то дурной сон.

Развернувшись, Иннокентий скорее вышел из комнаты, на этот раз плотно закрыв за собой дверь. Но уже когда он пересек порог спальни, то где-то за его спиной раздался еле слышный шепот, больше похожий на дуновение ветра:

– Всем нам просто снится дурной сон...

Утром настроение у Иннокентия Петровича не задалось с самого пробуждения. Он был вымотан из-за тревожных сновидений, Брамс все еще продолжал подозрительно поглядывать на дверь в комнату с коллекцией вишила и обходить ее стороной, да и пугающий шепот, услышанный краем уха в коридоре – все это нервировало немолодого Лисицына. Странности одна за другой проникали в его жизнь, а он не любил вопросы без ответов и слабо верил в чудесные явления.

Весь день прошел в какой-то тягучей скуке. Иннокентий осматривал пластинки, выкупленные из коллекции покойного Федосова, и расставлял их на своих полках, внося названия в каталог. Конечно, он вряд ли мог сравниться с отцом Василия в кропотливости: альбомы Лисицына представляли собой тонкие тетради с общим списком названий, записанных в порядке попадания в коллекцию. Тратить несколь-

ко лет на систематизацию нескольких тысяч дисков казалось Иннокентию немыслимо нелепой тратой свободного времени.

Брамс не отходил от хозяина ни на шаг, но стоило Лисицыну пересечь порог комнаты с пластинками, как пес замирал у двери, опасливо вглядываясь в середину помещения и изредка отчаянно поскуливая. Странности поведения питомца беспокоили Иннокентия, но что делать с Брамсом и как его успокоить – хозяин понятия не имел.

Ранним вечером, когда с делами было покончено, Лисицын заварил небольшую кружку чая и направился в комнату с коллекцией, намереваясь как минимум еще раз прослушать почти пустую пластинку Федосова. Брамс, словно бы почувствовав намерения хозяина, начал лаять уже в коридоре. Он кусал штанины Иннокентия Петровича, что раньше с ним никогда не случалось, яростно рычал и почти жалобно поскуливал.

– Да что с тобой творится?! – Лисицын с явным трудом вырвал кусок брюк из сомкнутых клыков пса. – Весь день сам не свой!

Брамс начал подпрыгивать на месте, а на его морде было столько беспокойства и отчаяния, что их трудно было не заметить.

– Я искренне не понимаю, что с тобой происходит, Брамс. Мы же дома, тут все знакомое. Нет никаких угроз или чужаков. Зачем ты лаешь? Может, тебе нехорошо?

Пес не ответил, но и свои попытки остановить хозяина не прекратил.

Иннокентий рассердился. Решительно и бережно оттолкнув бульдога ногой, он скорее направился в комнату с коллекцией. И стоило ему пересечь порог, как Брамс, неотступно бежавший следом, замер у дверей, протяжно повизгивая. Он смотрел, как хозяин сел в кресло, расположился поудобнее и, взяв в руки пустую пластинку, поставил ее в проигрыватель. Пока игла медленно опускалась на винил, Лисицын бросил на питомца вопросительный взгляд:

– Ты даже не хочешь присоединиться ко мне? Обычно ты каждый вечер проводил со мной в этом кресле, Брамс, как ценитель хорошей музыки. А что с тобой случилось теперь?

Пес разразился протяжным лаем, оглушительным и скорбным. Иннокентий стиснул зубы, поднялся, подошел к двери и захлопнул ее прямо перед мордой Брамса.

– Если не хочешь сидеть со мной, то хотя бы не мешай мне привычно провести вечер.

Лисицын скорее вернулся в кресло, стараясь не обращать внимания на приглушенное скуление, доносившееся из-за двери. Он весь обратился в слух, так как игла уже скользнула в канавку, и комнату наполнила призрачная музыка шепотов и шорохов.

Пластинка жила своей собственной незримой жизнью. Она крутилась в размеренном ритме, поблескивая в тусклом свете торшера, и из-под иглы лилось монотонное шуршание.

Иннокентий Петрович, закрыв глаза и понемногу отпивая из кружки с чаем, напряженно прислушивался, пытаясь выделить в шорохах отголоски мелодии, какие-нибудь слова или хотя бы голос.

Но первая сторона пластинки закончилась, а ничего слышать Лисицыну так и не удалось. Он перевернул диск и вновь сосредоточенно принялся внимать. И чем сильнее он напрягал слух, тем глубже и объемнее становились шорохи, рожденные иглой. Однако ни единого нового звука так и не появилось. Нахмурившись, Иннокентий сидел без движения до тех пор, пока и эта сторона пластинки не закончилась. Игла поднялась, оборвав шепчущую музыку, и Лисицын с удивлением распахнул глаза, не веря собственным ощущениям.

Вчера он явно и четко слышал одну-единственную строчку из песни Вергинского. А в этот раз ничего подобного не было. Хотя Иннокентий Петрович был уверен, что внимательность не покидала его ни на мгновение в этот вечер.

С интересом взяв в руки пустую пластинку, Лисицын принялся рассматривать ее. Ничего необычного в виниловом диске не было, но как же тогда можно было объяснить исчезновение строки про магнолии?

За дверью продолжала надрываться собака, царапая когтями паркет и призывая своего хозяина. Задумчиво допив уже чуть теплый чай, Иннокентий погасил свет и направился к двери. И в полной темноте на одну секунду ему показалось, будто за его спиной кто-то тихо произнес:

– Пес раздражает...

Грубоватый низкий голос, явно принадлежавший немалодому мужчине, сразу же затих, словно растворившись в темноте.

Лисицын выбежал за дверь даже быстрее, чем успел об этом подумать. Включив основной свет в комнате и в коридоре, он напряженно вглядывался в помещение, где он так явно слышал тот голос. Руки и затылок покрылись мурашками, но Иннокентий, не позволяя себе впасть в панику, скользил взглядом по шкафам, немногочисленной мебели и углам, пытаясь отыскать того, кто шептал ему во мраке странные слова.

Комната была пуста.

Ни тени, ни звука, ни шепота.

Брамс, плотно прижавшись к ноге хозяина, пугливо поскуливал, и неотрывно смотрел на журнальный столик, где лежала пустая пластинка.

– Все это неправильно, – прошептал Иннокентий, держась за косяк. – Так не должно быть!.. Если здесь есть кто-то, то покажись!

Тишина была ответом Лисицыну. Он же, никогда ранее не замечавший за собой склонность к оккультизму и мистике, теперь беспокоился о том, что вместе с этой странной пластинкой, доставшейся от покойника, привел в собственный дом какую-то потустороннюю сущность. Потому что иначе объяснить голоса, которые он слышал последние пару дней,

было нельзя.

Еще несколько минут простояв в напряженном молчании, Иннокентий Петрович подхватил пса на руки, плотно закрыл дверь, ведущую в комнату с коллекцией, и после ушел в спальню. Включив в комнате все торшеры, бра и светильники, чтобы не осталось ни одного темного уголка, Лисицын спешно отыскал в прикроватной тумбочке свой старый потертый крестик на цепочке и надел его.

– Может быть, это все только кажется мне, Брамс? Может, это не духи вовсе, а галлюцинации или же я схожу с ума от своего одиночества? – Иннокентий забрался в кровать и подтянул к себе поближе пса, который так и не расслаблялся ни на минуту. – Голоса, шепоты, исчезающие строки из песни... Это беспокоит меня...

Подложив подушки повыше, Лисицын прилег на них, нервно поглаживая Брамса. Устремив взгляд в потолок, какое-то время Иннокентий неосознанно прислушивался, но в коридоре и других комнатах было спокойно, словно все, что произошло ранее, было лишь иллюзией.

– Господи, услышь же меня. Прости, что я обращаюсь к тебе только в час нужды, но такова, видимо, человеческая натура, таковыми ты создал нас. Мы, люди, молимся тебе лишь когда нам страшно, либо же что-то нужно... И не думаю, что однажды это изменится, – приглушенно зашептал Лисицын, касаясь пальцами крестика. – Отче наш, иже еси на небесех...

Слова старой молитвы, выученной еще когда-то давно в детстве под присмотром матери, всплывали в голове легко, но вот внутреннего спокойствия у Иннокентия Петровича не прибавлялось.

Сам не заметив в какой момент, наверное, где-то после третьего или четвертого прочтения молитвы, Лисицын провалился в легкую дремоту, хотя он был уверен, что заснуть этой ночью не сможет. Но сон был наполнен страхом, черным и тягучим, как деготь: он расползлся по разуму, превращая отдых в бесконечный зацикленный кошмар. Иннокентию с трудом удалось из него вырваться, и только из-за того, что ему показалось, будто в комнате кто-то был.

– *Боль...*

– *Боль – это круговорот существования.*

– Кто здесь?! – не своим голосом закричал Лисицын, выпутываясь из одеяла.

В комнате мгновенно повисло глубокое всеобъемлющее молчание. Отчаянно озираясь по сторонам, Иннокентий вскочил на ноги. Он прижался спиной к стене и, шумно дыша, метался взглядом по помещению.

– *Здесь мы,* – неожиданно тихо ответили мужчине, который уже почти убедился в собственном сумасшествии.

– Кто вы?! – с истеричными нотками в голосе воскликнул Лисицын и сжал нательный крестик.

– *Мы – лишь шепоты...*

– Какие еще шепоты? Откуда вы здесь взялись?! Покажи-

тесь немедленно!

В ответ долгое время ничего не было слышно, но после томительного ожидания Иннокентий Петрович вдруг уловил тонкий женский голосок, напевающий слова:

– *«Тому уж жизни незабвенной не возвратить...»*

Дверь в спальню была приоткрыта, и за ней явственно надрывался в истошном лае Брамс, который не желал заходить в комнату.

– *Пес раздражает...* – проговорил грубый мужской голос, и Иннокентий вспомнил, что именно этот голос и эту фразу он вечером слышал в соседней комнате.

– Что вам нужно? Уходите из моего дома! Я не хочу вас слышать!

Лисицын сглотнул, чувствую, как от страха у него трясутся поджилки.

– *Мы не можем.*

– *Мы живем здесь.*

– *В черном виниле, в звуках и в молчании...*

Голосов было много, они перебивали друг друга и продолжали незаконченные фразы. Это были тонкие женские голоса и глухие мужские, словно в комнате находилось целое кладбище незримых призраков.

– Зачем вы пришли ко мне? Оставьте меня в покое!

– *Ты сам принес нас на пустой пластинке. Нас слышат те, кто желает слышать.*

– *Но мы лишь шепчем.*

– *Пес раздражает*, – зачем-то в который раз повторил грубый голос.

– Я не хочу вас слышать! Вас не существует!.. Вы – лишь кошмар, который мне снится! – отчаянно бормотал Иннокентий, а его губы дрожали. – Отче наш, иже еси на небесах!..

Но на слова молитвы и на крики Лисицына голоса не отреагировали, продолжая переговариваться между собой, о чем-то спорить и размышлять вслух. Тонкий девичий голос мурлыкал старый романс, а другой из голосов постоянно кашлял.

– *Пламя, пламя кругом!..*

– ... *при годовом объеме выпуска пластинок около 3 миллионов штук...*

– *«Своей судьбы не забывай...»* – ворковал кто-то еле слышно.

– *Не вижу в этом ничего хорошего!*

Иннокентий Петрович чувствовал, как медленно и верно начинает тонуть в пучине голосов, которых, казалось, становилось лишь больше с каждой секундой. Он уже практически не следил за собственным беспокойным потоком мыслей, а лишь с открытым ртом прислушивался то к одному, то к другому голосу, зачарованный пением.

– *Слушай шепоты. Шепоты приведут тебя туда, где не будет пламени, где ты забудешь об обреченности...*

– *Фу! Ну и вонь стоит!*

Брамс за дверь надрывал связки, пытаясь докричаться до своего хозяина и вырвать его из гипнотического транса, в котором тот пребывал, замерев у стены без движения. Голоса поглощали его сознание, заставляя прислушиваться к себе и подчиняться.

– *Пять альбомов для каталога – это не маловато? Думаю, нужно расширить коллекцию.*

– *Пес раздражает...* – очень-очень тихо произнес мужской голос.

И все незримые призраки в комнате затихли во мгновение ока.

Но Иннокентий этого даже не заметил: внутри его головы все еще плескался океан шепотов.

– *Раздражает.*

– *Верно...*

– *Он беспокоит нас.*

– *Он вторгается в нашу музыку!*

– *Заставь его замолчать. Мы не можем шептать, когда он гавкает,* – не просьба, а настоящий приказ, отданный сухим черствым голосом, заставил Лисицына сдвинуться с места и, словно марионетку, подвешенную на нитях, медленно двинуться к двери.

Он перешагнул порог, сам еще не осознавая, почему его тело стало послушно чужой воле. Брамс жался к полу, встопорщив шерсть и не отрывая от своего хозяина преданный взгляд.

Иннокентий наклонился и резким движением свернул Брамсу шею.

Ветер пронизывал до костей. Он бушевал на улице, сгибая ветви деревьев, стуча в стекла молчаливых домов и подгоняя прохожих. Природа буйствовала, но вряд ли могла она сравниться с тем ураганом, что царил в душе Иннокентия Петровича Лисицына.

Он сидел на коленях прямо на земле, в последний раз прижимая к груди хрупкое тело Брамса, обернутое лишь в кусок ткани.

Верный пес, до последней минуты своей жизни защищавший хозяина, преданно позволивший околдованному шепотами Иннокентию приблизиться и убить его... И теперь ему наградой за службу и смелость была лишь неглубокая могила.

– Боже... Боже мой... Почему ты не остановил мою руку? Почему позволил этому случиться? – Лисицын ласково прижимал к груди сверток, а по его мокрым щекам все продолжали и продолжали течь злые слезы. – Как мог я совершить подобное?.. Что эти шепоты сделали со мной?!

Иннокентий все никак не мог разжать руки и опустить в могилу тело своего преданного друга, который уже больше никогда не сможет сидеть с ним в продавленном кресле и слушать сонаты Моцарта или же песни Битлз по вечерам. И от одной этой мысли Лисицын хотел напиться до забытья,

чтобы не думать, не вспоминать, что же он сотворил собственными руками, подчиняясь каким-то неведомым призрачным голосам.

– Я не прощу им твою гибель, Брамс. Знай это. Я найду способ отомстить за тебя, моя мальчик.

Размазывая трясущимися руками слезы по щекам, Иннокентий опустил белый сверток в могилу и быстро засыпал тело землей.

Небольшой холмик – вот и все, что осталось от французского бульдога по кличке Брамс, доброго товарища и отважного защитника.

Лисицын нарвал в округе желтых цветов мать-и-мачехи и положил их на последнее пристанище пса, а после развернулся и, не оборачиваясь, ушел.

То, что произошло ночью в спальне, Иннокентий не мог себе объяснить. Все, что он помнил, – это как разум покинул его, а голова вся до основания наполнилась шепотами и шорохами, словно во мгновение ока она стала обителью десятков духов. И все эти советчики и безумцы, схватив сознание мужчины за нити, будто марионетку, сделали его послушным их воле.

Он ни за что в жизни не сумел бы поднять руку на Брамса, но под влиянием призрачных голосов без жалости и сомнений убил собаку. И почти сразу же пришел в сознание в ужасе от всего происходящего. Пока маленькое тело пса еще

не остыло, Иннокентий держал его на руках, молясь богу и проклиная его, изливая ярость на проклятые шепоты и на самого себя, ведь он послушно исполнил приказ.

А голоса пропали, будто растворившись в тенях, как только Лисицын выполнил их задание. И больше не появлялись. Но Иннокентий Петрович не собирался более позволять духам царствовать в его жизни и жизни других людей. Уже очевидно было то, что и покойный Федосов скончался вовсе не из-за каких-то внутренних болезней организма, а по вполне понятной причине – злые шепоты довели его разум до кипения, заставив кровь хлынуть из ушей. И Лисицын чувствовал всеми фибрами души, что в скором времени голоса должны были приняться и за свою новую жертву, ведь не зря же они пообещали «привести его туда, где не будет пламени, где он забудет об обреченности». Трудно было не догадаться, что пластинка и ее обитатели собирали жатву из тех, кому не посчастливилось коснуться тайны этого вина.

Иннокентий мог стать одним из шепотов.

И он не желал себе подобной судьбы. Гибель Брамса не должна была стать напрасной. Ведь пес много раз пытался предупредить своего хозяина об опасности, но разве хотя бы раз воспринял Иннокентий всерьез обеспокоенный лай питомца? Разве задумался он над тем, что собака могла чувствовать то, что человеку чувствовать не дано?

Нужно было действовать как можно скорее. Пока Лисицын еще обладал властью над собственным разумом, он не

желал повторить судьбу старшего Федосова.

Иннокентий Петрович в который раз нажал на кнопку дверного звонка, вдавливая ее до упора. Через несколько минут послышались чьи-то приглушенные шаги.

– Да иду уже!

Раздался звук поворачиваемого замка, и через мгновение в щель приоткрытой двери протиснулось не очень довольное лицо Василия. Его сальные темные волосы были покрыты слоем пыли, будто он лишь недавно вытряхивал какие-нибудь застаревшие портьеры или же выбивал ковры.

– Это снова вы? – с изумлением проговорил младший Федосов и прищурил левый глаз. – Решили еще что-то купить из коллекции? Там уже, правда, около трети разобрали...

– Нет. Я не по этому поводу.

Иннокентий Петрович ответил не терпящим возражений тоном и почти сразу же решительно толкнул дверь, вынуждая Василия впустить незваного гостя.

– Чем же тогда обязан? – нахмурился сын покойного, отступая назад.

– Я хочу еще раз увидеть каталог. По-моему, в прошлый раз вы говорили, что ваш отец для всех пластинок указал места, где они были приобретены, верно?

Торопливо избавляясь от плаща, словно он был у себя дома, Лисицын захлопнул входную дверь и почти сразу же направился в гостиную. Не в его воспитании было так вламы-

ваться в чей-либо дом, но вряд ли в тот момент он думал о приличиях и стыде – важнее было разгадать тайну появления пустой пластинки и ее бесплотных обитателей.

– Д-да... – неуверенно пробормотал Василий, явно не ожидавший такого поведения. Но все же последовал за Иннокентием Петровичем в комнату, на ходу нервно натягивая рукава свитера ниже.

– Несите сюда каталог. Вопрос очень важный и отлагательств не требует.

Лисицын смахнул со знакомого диванчика без ножек груду хлама и сел, всем своим видом демонстрируя, что он ожидает, когда ему предоставят альбомы.

– Сейчас-сейчас.

Василий, что-то еще прошептав себе под нос, ушел в спальню и через минуту вернулся со стопкой толстых исписанных альбомов, которые бросил на диван перед Иннокентием.

– Что за срочность? Вы даже не позвонили заранее!

– У меня не было времени, – кратко бросил Лисицын и схватился за первый том каталога.

– Быть может, я чем-нибудь помогу? Все же я изучил все записи отца за последние дни тщательнейшим образом. Что вы хотите найти в каталоге?

– Любые упоминания о покупке пустой пластинки. Без этикеток, без конверта и названия.

Василий свел брови к переносице и присел на подлокот-

ник дивана.

– Вы говорите о той самой пластинке, что забрали из прогrywателя? С ней что-то не так?

– Это неважно! Так есть в этом каталоге записи о ней или вы не помните? – чуть зло прикрикнул Иннокентий на сына покойного.

– Вообще-то есть одна такая запись. Она в числе последних. Вот, смотрите, – Василий взял один альбом и, раскрыв его на середине, где каталог обрывался, ткнул пальцем в строки. – «Пластинка без записей, куплена у Богомолцева на барахолке...»

– Дайте сюда! – Лисицын вырвал альбом из рук собеседника.

Он быстро отыскал взглядом нужную строку. Помимо упоминания места покупки там было сказано и еще кое-что: «Приобретена вместе с другими пластинками, списанными с завода “Звучание”».

– Есть еще и другие пластинки? Тут написано, что она была одной из списанных с завода.

– Конечно! Отец тогда около сотни приобрел для коллекции. Их отдавали по дешевке всем скопом на рынке, лишь бы избавиться... Многие, правда, совсем некачественные оказались.

– «Лишь бы избавиться»? Что это за пластинки такие? – замер Иннокентий.

– Оставшиеся после пожара на заводе грампластинок

«Звучание».

Василий оказался пойман в ловушку пристальным взглядом Лисицына, который молча и напряженно ждал объяснений. Будто хищная птица, почуявшая добычу.

– Вы разве ничего не помните о пожаре на заводе? Это же тот самый завод, что в пригороде стоит, старый, советский еще, – последнее крупное в нашей области предприятие ведь было. Сколько народа там работало... Теперь «Звучание» закрылось навсегда из-за пожара. Здание и все прилегающие корпуса почти дотла сгорели, из хранилищ не уцелело и трети, а людей на том пожаре масса погибло. Кто в огне, а кто и после – не оправился от ран... То ли умышленный поджог, то ли на производстве какая-то неполадка была, вызвавшая возгорание. Невеселая история. И завод жалко, хороший был. И людей жалко, конечно.

– А все уцелевшие в пожаре пластинки, выходит, списали и за копейки сбыли на рынке? – догадался Иннокентий.

– Да, так и было. Они же все провонявшие были, многие поврежденные из-за жара. Конверты, опять же, сгорели... Кому такие нужны? А на рынке хоть за какие деньги скупили.

Неожиданно голова Иннокентия разорвалась от боли и истошного крика нескольких голосов:

– *Пламя! Пламя!..*

Лисицын схватился за уши, но шепоты не утихали – они стонали от боли прямо внутри его черепной коробки, будто

вышедший из-под контроля внутренний голос.

– С вами все хорошо? Вы так напуганы! – Василий обеспокоенно взгляделся в лицо незваного гостя.

– Я... Я должен идти!.. – Иннокентий Петрович подорвался с места, вскакивая на ноги так бодро, словно ему было вовсе и не пять с лишним десятков лет.

Выбежав в коридор и все еще продолжая прикрывать свои уши, хотя вопли голосов постепенно стихали, Лисицын схватил пальто и вылетел за дверь, даже не попрощавшись с Василием, хотя тот, сам того не понимая, снабдил Иннокентия безмерно важной информацией.

Стремительно ворвавшись к себе домой, первым делом Лисицын схватился за телефон. И пока Иннокентий дрожащими от напряжения пальцами один за другим набирал номера всех своих знакомых, приятелей и перекупщиков, он раз за разом прокручивал в голове разговор с Василием.

Выходило, что пустая пластинка была создана на заводе «Звучание». И те голоса, что оказались запечатаны в ней, могли быть душами всех погибших в пожаре людей. Пластинка была проклята: страдания и боль, мучительная смерть, постигшая многих простых работников и работниц, сделали из черного винилового диска настоящий тотем ужаса, который жил теперь сам по себе и творил жестокие дела. Но вовсе не потому, что он сам по себе был зол, а лишь из-за собственного наполнения – ничего кроме страха и обре-

ченности не было на этой пластинке. Она записала на себя крики умирающих, сгорающих в огне людей, которые не желали такой боли.

И единственным способом узнать подробнее о том, что произошло на заводе в день пожара, было отыскать выживших работников, которые могли что-то вспомнить и помочь Иннокентию избавиться от шепотов, которые все глубже и глубже проникали в его голову.

Обзванивая своих мимолетных знакомых, сомнительных товарищей, Лисицыну далеко не сразу удалось выйти на след некоторых людей с завода, о которых слышали в городе. В конце концов один из перекупщиков, с которым Иннокентий Петрович часто имел дело в последнее время, в знак их плодотворного сотрудничества согласился оказать услугу и как можно скорее разыскать работников, готовых встретиться с Лисицыным.

Все, что оставалось Иннокентию, – это томительное ожидание и беспокойство, которое не покидало его ни на мгновение последний день. Без усталости прогуливаясь по собственной спальне, лишь иногда прерываясь на то, чтобы выглянуть в окно и отвлечься от собственных горьких дум, Лисицын боялся. Он постоянно вспоминал, как легко шепоты завладели его разумом, и опасался, что таинственные обитатели пустой пластинки в любой момент могли повторить свой трюк.

Но, к счастью, до самого вечера голоса так и не появ-

лялись, а когда ближе к девяти часам раздалась оглушающе звонкая трель телефона, Иннокентий бросился к трубке, будто тонущий, ищущий спасения в тонкой соломинке.

– Извините, что поздно! Но я сделал то, что вы просили, – глухо и торопливо говорил голос в трубке. – Отыскал одну женщину, Марию Аврамову, которая была на заводе в день пожара.

– Отлично! Спасибо! Вы просто спасли меня!

– Да-да... Она согласилась встретиться с вами. Я уже обо всем договорился. Завтра прямо утром подъезжайте на улицу Мира, дом 3.

– Как завтра? – в голосе Иннокентия поубавилось радости, и он отрешенно опустил на край кровати. – Нельзя ли никак сегодня? Для меня это очень важно.

– Извините, Иннокентий Петрович! Ночь на дворе! Мария – лежащий больной, ее терзают постоянные боли. Бедная женщина пострадала в том пожаре очень сильно. И беспокоить ее ночью все же не стоит. Она выразилась четко – завтра утром готова вас принять и побеседовать.

– Ясно...

– Ну! Рад был услышать вас! Всего хорошего. И доброй ночи.

В трубке послышались гудки. Последняя фраза звонившего прозвучала в ситуации Иннокентия как издевательство: ему предстояло пережить еще целую ночь, прежде чем он приблизится к загадке пустой пластинки. И за одну эту ночь

шепоты могли заставить его сотворить все, что угодно.

Даже убить себя.

В комнате с коллекцией пахло расплавленным винилом. Приторная вонь въедалась в стены и проникала сквозь двери так легко, словно их и вовсе не существовало.

Иннокентий бродил по помещению, осматривая свои шкафы с различными пластинками, и постоянно морщился, отчаянно бормоча проклятья себе под нос. Сколько раз он ни проветривал дом, но запах никуда не уходил. Еще утром его не было, а теперь буквально все насквозь пропиталось этой отвратительной вонью. Словно пластинки плавилась от неведомого жара в своих конвертах.

Как это ни прискорбно было осознавать Лисицыну, но ему предстояла длинная и тяжелая ночь. От мыслей спокойно выспаться пришлось отказаться: он опасался, что во сне шепоты вновь завладеют его сознанием. Идея уйти на ночь из дома тоже была отвергнута, ведь, как выяснилось, голоса уже проникли в разум Иннокентия и были с ним повсюду. И все, что оставалось, измученному мужчине, это бодрствование.

Он скользил пальцами по ровным рядам пластинок, аккуратно расставленных на полках, а сердце его сжималось от горькой тоски по Брамсу, которого больше не было рядом. Сейчас Иннокентий чувствовал бы себя куда увереннее и бесстрашнее, если бы любимый пес был рядом и по-прежнему охранял его. Но теперь спасти мужчину от одиночества

могла лишь музыка.

Он ловко вытащил пластинку: «Моцарт. Сонаты для фортепиано». Нужно было как-то расслабиться, чуть отвлечься от всего происходящего, но в тоже время не впасть в дремоту. И вряд ли что-нибудь могло лучше подойти для такого случая.

Опустившись в продавленное кресло и запустив проигрыватель, Иннокентий на мгновение по привычке похлопал по коленям, приглашая Брамса запрыгнуть на них. И лишь через секунду жгучая боль пронзила сердце немолодого Лисицына, ведь никто не откликнулся на его жест. Никто и не мог больше это сделать.

Легкая музыка поплыла по комнате, наполняя помещение нежным звучанием. Иннокентий прикрыл глаза, концентрируясь на мелодии. Он понимал, что если даст слабину и заснет этой ночью, то духи вновь попытаются овладеть его разумом. Нужно было всеми силами бороться с призраками и обязательно продержаться до утра. Судя по всему, днем обитатели пустой пластинки были не так активны, хоть все равно и продолжали вторгаться в жизнь Лисицына. Но все же именно ночью, когда слабое человеческое тело, пребывающее в сновидениях, оставалось без защиты, шепоты с легкостью делали из него марионетку.

Музыка вдруг поплыла. Словно пластинка начала плавиться от жара, а вместе с ней плавилась и мелодия, растягивая звуки и искажая их.

Иннокентий Петрович встрепнулся и взглянул на проигрыватель. С ним все было в порядке – винил мерно крутился вокруг оси, а игла скользила по канавкам. Но музыка изменилась до неузнаваемости, уже совсем не походя на Моцарта. Лисицын раздраженно остановил проигрывание, резким движением нажав на кнопку.

Пластинка остановилась, а изуродованная мелодия нет.

– Проклятье! – Иннокентий уже догадывался, что это было делом рук шепотов. – Это опять вы? Что вам еще нужно?! Вы уже убили моего пса, а теперь хотите приняться и за меня?

– *Ты сам убил своего пса...* – сразу же откликнулся тихий женский голос.

– *Ты сам захотел услышать нас...*

– Я уже говорил, что никогда не хотел слышать вас! Я хотел послушать музыку, а не ваши голоса, – выкрикнул Лисицын в пустоту.

– *Мы и есть музыка. Мы – симфония шепотов.*

– Вы просто пытаетесь заговорить меня, чтобы опять вывернуть мой мозг наизнанку и сделать своей послушной куклой! Я не буду больше вас слушать! Я не хочу слушать шепоты.

Иннокентий заткнул уши, отсекая от себя любые звуки. За глубоким пологом тишины не было ничего слышно, и мужчина понемногу расслабился. Зажмурив глаза и закрыв уши, он почти четверть часа без движения просидел в кресле, от-

считывая про себя минуты.

Ха! Как просто все, оказывается, решалось – если ты не можешь слышать шепоты, то они становятся бессильны.

Наконец, по прошествии пятнадцати минут, Лисицын осторожно опустил руки и прислушался. В комнате стояла тишина: музыка больше не играла, голосов не было слышно, и только где-то далеко за окном лаял дворовый пес.

С самодовольной улыбкой Иннокентий Петрович подошел к одному из шкафов и принялся выбирать новую пластинку. Видимо, шепоты успокоились на какое-то время, а сидеть в напряженном молчании Лисицыну не хотелось. Достав с верхней полки пластинку Pink Floyd, он скорее запустил проигрыватель и вернулся в кресло.

Однако долго наслаждаться музыкой у Иннокентия не получилось. После первых же минут прослушивания сквозь звуки стали прорывать шепоты и шорохи, которые только нарастали и нарастали, пока полностью не захватили всю мелодию. И музыка прекратилась – голоса заменили ее, заговорив в своем привычном темпе: десятки шепотов одновременно наполнили пространство, и каждый из них говорил о чем-то своем.

– *Брак, брак, разбитая, нормальная, брак...*

– *Это же невозможно! Это просто невозможно!*

– *«Кто послал их на смерть...»*

– *Обреченность сжирает меня, как пламя.*

– Я же сказал, что не стану вас слушать! Убирайтесь

прочь, духи! – вскочил с места Иннокентий.

– *Но ты хотел слушать, и ты слушаешь*, – возразил ему кто-то в потоке шепотов.

– Не желаю! – отчаянно выкрикнул Лисицын и как можно плотнее закрыл себе уши, обрывая все звуки.

Несколько мгновений стояла блаженная тишина, а после голова Иннокентия Петровича взорвалась десятками кричащих голосов. Они шептали и вопили так громко, будто под черепной коробкой у Лисицына кто-то включил радио.

– *Слушай!*

– *Мы везде.*

– *Мелодия рождает смысл...*

– *Боль! Пламя!*

Иннокентий испуганно вскрикнул, осознавая, что больше никакой защиты от шепотов у него не было. Он бросил к шкафам с музыкой и, не разбирая, принялся хватать любые пластинки.

– Я заглушу вас! Я не стану вас слушать! Умолкните!

Трясущимися руками ставя в проигрыватель одну пластинку за другой, Лисицын все не мог поверить происходящему. Ни один из дисков, которые он пытался послушать, чтобы заполнить голову музыкой и изгнать из нее шепоты, не издавал ни звука. Музыки не было слышно или же она и вовсе отсутствовала – винил крутился, а Иннокентий различал лишь бесконечное множество шепотов, что заполняли его разум.

– *Слушай! Слушай!*

– *Мы избавим тебя от тишины.*

Лисицын впился пальцами в виски, но боль была слабой, а сопротивляться шепотам было слишком сложно. Нельзя не слушать то, что говорит прямо внутри головы.

– Я-я не сдамся! Я отказываюсь подчиняться вам и слушать вас! – в последней попытке простонал Иннокентий, чувствуя, как болит у него голова, разрываясь от сущностей, населивших ее.

– *Ты уже наш,* – раздался тихий женский смех, похожий на звон хрустальных колокольчиков.

– *Ты уже один из нас.*

– Я избавлюсь от вас! Смерть Брамса не будет напрасной!.. – слабо выкрикнул Иннокентий Петрович, а после сознание покинуло его, сдавшись под натиском шепотов.

И безвольное тело упало на пол.

В лицо Лисицыну светил яркий солнечный луч. Он недовольно зажмурил глаза плотнее и хотел перевернуться на другой бок, чтобы поспать еще немного, но, к своему удивлению, понял, что лежал на жестком полу и никакого одеяла рядом не было.

Резко приняв сидячее положение, Иннокентий растерянно огляделся по сторонам, пытаясь вспомнить, где же он находился.

Лисицын сидел на полу собственной кухни. Обеденный

стол был перевернут, а вся его поверхность оказалась утыкана кухонными ножами. Внизу валялось множество осколков от разбитой посуды, которые перемежались с лужами воды. Всюду царил беспорядок и разгром.

– Боже мой, что же тут произошло? – спросил сам у себя Иннокентий, но почти сразу же его внимание привлек еще один интересный факт.

Его левая рука была пристегнута простым пластиковым хомутом к газовой трубе. Тонкая шлейка так сильно перетянула кисть, что кожа стала багровой. Попытавшись освободиться, Лисицыну пришлось потратить на это много времени: в итоге мужчина смог дотянуться до куска разбитого стекла неподалеку и перепилил пластик.

Голова болела, а обе ушные раковины оказались покрыты коркой запекшейся крови.

И в тот момент память начала фрагментами возвращаться.

Вся прошла ночь была похожа на один бесконечно долгий кошмар. Иннокентий то приходил в себя, то вновь падал в пучину безумия, когда шепоты завладевали его сознанием. Они издевались над его телом, принуждая делать то, что Лисицын никогда не согласился бы сделать по своей воле: голоса обещали ему избавление от всего на свете за то, что он убьет себя. Но Иннокентий Петрович сопротивлялся, он отводил от себя смерть несколько раз за эту ночь, успевая прийти в сознание за несколько мгновений до верной гибели

– выбрасывая осколок стекла, которым должен был перерезать себе горло, всплывая из наполненной водой ванной или же отпрыгивая прочь от распахнутого окна.

Шепоты лишь смеялись или недовольно ворчали, но Лисицын продолжал бороться, даже когда от всех этих голосов у него из ушей начала идти кровь. И в голове была лишь единственная мысль, которая давала ему сил, которая позволила ему дожить до рассвета, когда сила голосов стала гораздо слабее.

Он думал о Брамсе. И представлял, что пес все еще рядом.

Он не мог позволить себе пасть под давлением духов, пока его верный друг не был отомщен. И в конечном итоге ближе к рассвету Иннокентию удалось пристегнуть самого себя к газовой трубе, чтобы выиграть еще немного времени и дотянуть до утра.

А с солнечными лучами шепоты медленно и нехотя развеялись, будто туман. Но Лисицын чувствовал, что они просто спрятались где-то в дальнем уголке его сознания. И лишь наступит ночь, как безумие вновь обнажит свои клыки. Пора было действовать.

До нужного дома Иннокентий добрался в кратчайшие сроки. На пороге гостя встретила не сама Мария Аврамова, а ее пожилая мама. Старая женщина едва держалась на ногах из-за своего почтенного возраста, но безропотно пропустила Лисицына в квартиру, едва его увидела.

– Машенька уже ждет. Она как раз только проснулась. Я вас провожу в ее комнату.

Разувшись и последовав за пожилой женщиной, Иннокентий Петрович вскоре оказался в узком тесном помещении, которое с трудом можно было назвать полноценной комнатой, скорее, огороженным коридором. Всюду стояла старая мебель, снесенная сюда за ненадобностью, единственное окно давно не мыли, и за слоем грязи почти не видно было улицу. Возле одной из стен стояла скрипучая металлическая кровать, на которую небрежно были наброшены сразу несколько тонких протершихся матрасов. Поверх них лежала женщина, хотя Лисицыну далеко не сразу удалось распознать в обтянутом кожей скелете женщину.

– Доченька, это тот самый Иннокентий Петрович, который поговорить хотел.

Больная выглядела очень плохо. Одеяло скрывало большую часть, но даже по открытой шее и вытянутой вдоль тела руке, можно было сказать, что Мария постоянно терзалась мучительной болью. Кожа ее была обезображена поцелуями огня. Чудовищная худоба и выступающие кости лишь дополняли пугающий образ.

– Доченька, если ты не в силах, то не надо геройствовать, – не дождавшись ответа, вновь заговорила мать.

Неожиданно живой скелет раскрыл веки. Высохшие губы дрогнули, размыкаясь.

– Нет. Я хочу поговорить с ним.

– Как скажешь, – пожилая женщина легко коснулась ладонью края одеяла и погладила его. – Не нагружайте ее, пожалуйста, Иннокентий Петрович. Она плохо ест из-за постоянных болей и кошмаров, и потому очень слаба...

– Да-да, конечно, – заверил Лисицын и подошел ближе к Марии, которая из-под полуприкрытых век следила за гостем.

За матерью тихо закрылась дверь, оставляя Иннокентия и обезображенную огнем женщину наедине.

– Вы хотите знать о том, что случилось на заводе, да? – хрипло проговорила Мария, и мужчина заметил, что слова давались ей с трудом.

– Да. Я хочу услышать, что произошло в тот день, из уст человека, который видел все своими глазами, – Лисицын опустил на стул возле кровати, чтобы быть ближе к говорящей.

– Тогда вы и правда пришли по адресу. Ближе меня никого не найдете. Остальные уже умерли, – почти прошептала Мария, медленно моргая.

– Из-за чего произошло само возгорание и где оно случилось?

– Огонь просто появился. И все. Мы не пытались выяснить, откуда он взялся, а просто бежали. Потом я слышала, что было несколько теорий... Мол, поджог, а другие были уверены, что это короткое замыкание. Я не знаю, что из этого верно. Помню лишь, что пожар начался на складе, который

находился по соседству с цехом, где я работала. И первое, что заметили все, это запах... Тяжела вонь расплавленного винила.

Иннокентий неосознанно вздрогнул, вспоминая как именно этот запах преследовал его последние дни.

– Только потом люди заметили дым. И началась паника. Кто-то просто бежал, другие пытались включить пожарную сигнализацию, но с ней что-то случилось... А после огонь начал распространяться с ужасающей скоростью. И всюду дым. Этот удушающий смрадный дым, в котором ничего не видно дальше вытянутой руки.

Женщина слабо поморщилась.

– Мы тогда не придавали этому особенного значения. Всех больше волновал огонь. И потому никто и не заметил, как мы надышались ядовитых паров. Может, вы не знаете, Иннокентий Петрович, но когда винил плавится, то выделяет в воздух массу ядовитых веществ, отравляющих разум и тело. А мы все наглотались этого дыма в попытках выбраться из помещения, – Мария закрыла веки. – Все думают, что на заводе «Звучание», на том страшном пожаре множество людей погибло в огне, но нет... Больше всего умерло от отравления парами. И еще столько же умерло в следующие дни, пока их тела страдали в агонии от яда, которым мы все надышались.

– Выходит, вы были одной из тех, кто оказался в ловушке и не смог выбраться из здания? – осторожно поинтересовался

ся Иннокентий.

– Да. Мы не смогли найти выход в дыму, надышались дыма и просто обессилели. Слава богу, что мне хватило ума раньше остальных закрыть лицо. Наверное, это и спасло меня. Конечно, часть паров проникла в организм, но не смертельная доза. А вот огня мне избежать не удалось. Когда сгорели перекрытия, и все обвалилось вниз, то мне уже так не повезло.

– Мне очень жаль, что вы пережили подобное... Это тяжело.

– Вы ничего не знаете о том, что действительно тяжело, Иннокентий Петрович, – выдохнула женщина. – Тяжело было лежать там, барахтаясь на грани сознания, когда я не чувствовала ничего, кроме боли и страха, и слышать, как рядом со мной, где-то в этом дыме, кричат мои товарищи и коллеги, умирающие в огне мучительной болезненной смертью.

– *Пламя, пламя!* – завопили голоса в голове Иннокентия, и он вздрогнул.

– Как они вопят и плачут от ужаса, осознавая, что уже не смогут выбраться из-под горящих обломков. Это крещендо обреченности...

– *Боль!* – слились в едином хоре шепоты, вновь наполнившие разум Лисицына.

– Знаете, до сих пор они терзают меня, – слабым голосом призналась Мария. – Я слышу эти крики каждую ночь, не сплю из-за них. Это голоса моих коллег, с которыми мы бок о

бок работали много лет на заводе. Они хотят, чтобы я присоединилась к ним, чтобы и я, наконец, забыла о боли и страхе. О пламени и обреченности.

Это были знакомые слова. Иннокентий знал, что уже слышал нечто подобное от шепотов.

– И, если бы мое тело не было до сих пор парализовано слабостью, если бы я могла пошевелить хоть пальцем, то я давно бы уже послушно последовала за этими голосами, – на глазах женщины выступили слезы, и она взглянула на своего молчаливого собеседника с отчаянием во взоре. – Но я даже не могу избавиться себя от этой никчемной жизни. Почему они умерли, а я должна продолжать жить? Мое существование уже не похоже на жизнь. Это мучения...

– Вы живете прошлым, случившейся трагедией, – неуверенно проговорил Лисицын.

– Потому что у меня ничего не осталось. Ни тела, ни надежд. И, знайте же, что каждую ночь я жалею о том, что огонь не поглотил мою плоть до конца...

Из тесной узкой комнаты, в которой нечем было дышать, Иннокентий уходил на негнущихся ногах. Позади осталась Мария, измученная и обессиленная, а Лисицын словно побывал в том самом пожаре, увидел произошедшее своими глазами. Но ничем помочь бедной женщине он не мог, а вот позаботиться о собственном спасении еще стоило.

Теперь он твердо знал, что ему следовало сделать. Ма-

рия дала ему надежду, которой он был лишен уже несколько дней. И, стараясь не обращать внимания на шепоты, которые растревоженным ульем вновь начинали петь в его голове, Иннокентий скорее вернулся к себе домой.

Дом встретил его все тем же приторным запахом расплавленного винила, который, будто бы, стал лишь ощутимей. С порога бросившись в комнату с коллекцией, Лисицын распахнул дверь и замер, невольно чувствуя, как его сердце сжимается в тревоге.

Но если он желал покончить со всеми этими шепотами и голосами, то нужно было чем-то пожертвовать. Пусть даже Иннокентию Петровичу и пришлось бы отрезать от себя важную часть собственной жизни.

Перед ним стояли высокие шкафы, полки которых ломились от разнообразных грампластинок. Сколько лет Лисицын потратил на то, чтобы собрать всю эту коллекцию? Казалось, целую вечность. А сколько минут понадобится на то, чтобы ее уничтожить?

Сходив на кухню за зажигалкой и теплой водкой, Иннокентий вернулся в комнату и замер перед ближайшим шкафом, крепко сжав челюсти.

Те шепоты родились в огне, в человеческой боли и агонии, которая терзала умиравших в страшных мучениях работников завода. Духи помнили о том пламени, они боялись его до сих пор.

– Даже если ты сожжешь нашу пластинку, то ничего не

изменится, – прошептал в голове Иннокентия нежный женский голос.

– *Мы живем в черном виниле, в звуках и в молчании,* – напомнил мужской голос.

– Я уничтожу все то, что вам нужно для существования. Как вы уничтожили Брамса, который был нужен мне, – твердо сказал Лисицын и щедро плеснул водки на шкаф.

– *Что ты творишь?*

– *Он хочет сжечь все!*

В голове Иннокентия мгновенно заголосили шепоты, пытавшиеся повлиять на него и в последнюю минуту успеть взять контроль над телом. Но они были слабы, а Лисицын уже залил всю комнату горючим спиртным и выкинул бутылку на пол, оставляя дорожку до порога. Стараясь не отвлекаться и не вслушиваться в шепоты, он скорее покинул комнату и поджег шлейф водки.

Пламя взвилось, мгновенно разбежавшись по полу и стенам голубоватой волной. Но Иннокентий уже выбежал из дома, памятуя о предупреждении Марии – дым от плавящегося винила мог отравить его.

– *Нет! Огонь!*

– *Пожар! Пожар!* – надрывались голоса.

Лисицын отбежал на достаточное расстояние и только потом обернулся. Его голова пухла от роящихся там шепотов, но чем сильнее становилось пламя, уже давно выбравшееся из комнаты, тем тише становились голоса, словно понемногу

угасая. Они вопили о боли, кто-то плакал от страха, а другие надрывно кашляли, будто задыхаясь от дыма. Они обеспокоенно метались из стороны в сторону в истерзанном разуме Иннокентия Петровича, рассыпаясь на части, пожираемые пламенем, которое уничтожало винил в доме.

– Спасибо за все, Брамс... Покойся с миром, моя мальчик...

Когда его руки перестали дрожать, то Лисицын позвонил с мобильного пожарным. Дом ему было совершенно не жалко, тот был застрахован. А вот дальше жить в каменных стенах, где погиб верный друг, где буквально все напоминало об ужасных событиях, связанных с появлением шепотов, Иннокентий вряд ли бы смог. Но теперь огонь уничтожил и воспоминания, и голоса вместе с их пластинками, и Лисицын мог начать жизнь с чистого листа.

Его разум освободился от музыки шепотов. Он счастливо улыбнулся, закрыл глаза и вздохнул полной грудью. Теперь все в его жизни изменится.

Тихий женский смех, похожий на звон хрустальных колокольчиков, раздался на грани сознания.